

ЛЕВ

ЛЕВ
ЛЕВ
ЛЕВ
ЛЕВ
ЛЕВ
ЛЕВ
ЛЕВ
ЛЕВ
ЛЕВ
ЛЕВ

Заниски
следователи

**ЛЕВ
ШЕЙНИН**

**ЗАПИСКИ
СЛЕДОВАТЕЛЯ**

**Записки
следователя / *Рассказы***

**Тени
прошлого / *Рассказы***

**Старый
знакомый
(*Ответный
визит*) / *Повесть***

**Алма-Ата
Главная редакция
Казахской советской
энциклопедии
1984**

Р 2
Ш 39

Оформление художника
В. Алешина
Переплет и титул
М.-Х. Зайнитдинова

Шейнин Л. Р.

Ш 39 Записки следователя: Рассказы;
«Тени прошлого»: Рассказы;
«Старый знакомый» (Ответный визит):
Повесть.— М.: Худож. лит., 1979.— 576 с.

В книгу одного из талантливых представителей советской приключенческой литературы Льва Шейнина входят «Записки следователя», в основе которых лежат подлинные эпизоды из следовательской практики автора и его товарищей, цикл рассказов под названием «Тени прошлого» и повесть «Старый знакомый» (Ответный визит).

Р 2

Ш $\frac{4702010200-002}{406(07)-84}$ 006.84.

© Иллюстрации. Издательство
«Художественная литература» 1979 г.
© Алма-Ата, Главная редакция Казахской
советской энциклопедии

Да, приказ был подписан, и в нем черным по белому значилось, что профессор кафедры зоологии Буров и его ассистент Воронов командированы на год на остров Колгуев в Баренцево море для проведения научно-исследовательских работ.

В университете читали приказ и посмеивались. Дело в том, что и преподавателям, и студентам, всем без исключения, было хорошо известно, что профессор и его ассистент не переваривают друг друга. Приказ о направлении этих двух людей на год в обстановку, где они продолжительный срок будут находиться вместе, вызывал недоумение и улыбки. Кое-кто шутил, что сделано это неспроста, в расчете на то, что суровый климат остудит вражду между профессором и его ассистентом.

— Друзьями возвратятся оттуда, — говорили шутники, — закадычными. Вот увидите...

Впрочем, больше всех были удивлены сами виновники этого приказа. В университете стало известно, что профессор, неожиданно для себя узнав фамилию человека, предназначенного ему в товарищи по зимовке, не спал целую ночь. Воронов, как рассказывали, тоже был очень огорчен.

Но приказ есть приказ, и через несколько дней экспедиция университета в составе профессора Бурова и доцента Воронова отбыла в далекое Баренцево море, на остров, где этим двум ученым предстояло вместе прожить долгий арктический год.

Уже через месяц после этого от них были получены

первые письма. Буров и Воронов делились впечатлениями, подробностями путешествия и своими планами.

«...Все было бы хорошо,— писал профессор,— если бы не постоянное присутствие этого субъекта, который сам, в сущности, имеет все основания, чтобы стать объектом научно-исследовательских наблюдений зоолога. Право, этот молодой человек продолжает отравлять мне настроение. Здесь, имея печальную необходимость постоянно видеться с ним, я лишний раз убеждаюсь, насколько был прав в своих антипатиях...»

В свою очередь, доцент Воронов так же жаловался в письмах на «абсолютную нетерпимость старого ворчуна и мучительность повседневного с ним общения».

В университете читали письма, посмеивались и не переставали удивляться тому, как эти два человека, каждый из которых был по-своему симпатичен, упорны в своей взаимной неприязни.

Спорили о том, долго ли будет продолжаться эта беспричинная вражда. Оптимисты заверяли, что Буров и Воронов в конце концов помирятся и даже полюбят друг друга. Пессимисты утверждали обратное. Были зарегистрированы несколько случаев пари по этому поводу. И даже две ссоры.

...Но через месяц короткая сухая телеграмма с острова Колгуева уведомила университетскую общественность о том, что профессор Буров убит доцентом Вороновым.

Следователь по важнейшим делам, которому было поручено расследование по делу об убийстве профессора Бунова, прежде всего выяснил возможность поездки на остров Колгуев. К сожалению, оказалось, что по ряду метеорологических и иных причин поехать туда в это время года нельзя.

Тогда следователь съёлся по радио с капитаном ледокола, курсировавшего у берегов Колгуева, и дал ему ряд поручений. Он просил капитана доставить в Москву, в замороженном виде, труп убитого, допросить свидетелей этого преступления, если такие окажутся, и, кроме того, произвести самый тщательный осмотр местности, в которой произошло убийство.

Следователь просил также доставить в Москву и Воронова, обеспечив такие условия, при которых он, даже при желании, не имел бы возможности скрыться.

Поручения следователя были выполнены, и однажды в его кабинет вошел капитан ледокола в сопровождении

человека средних лет, с растерянным, испуганным выражением лица. Это был Воронов.

— Садитесь, пожалуйста, — с холодным любопытством разглядывая Воронова, сказал следователь.

— Благодарю вас, — тихо ответил Воронов.

Начался допрос. Следователь выяснял анкетные данные и биографию этого человека. Это была безупречная биография. Тридцать два года, которые успел прожить Воронов, до того как он убил Бурова и очутился перед следовательским столом, были прожиты хорошо и с толком. Воронов был молодым, но несомненно талантливым специалистом, он имел ряд самостоятельных научных работ, он стоял на верной и широкой дороге.

— Какого же черта, — не выдержал обычно спокойный и владеющий собою следователь, — какого же черта вы убили профессора? Чего вы не смогли там с ним поделить?

Воронов как-то растерянно развел руками.

— Видите ли, — произнес он каким-то извиняющимся, неуверенным голосом, — дело в том... дело в том, что я его вовсе и не убивал...

— Но он убит?

— Убит.

— В том месте, где он был убит, находился кто-либо, кроме вас двоих — вас и его?

— Мы были там только вдвоем, никого, кроме нас, не было и быть не могло. Это я утверждаю категорически.

— Тогда непонятно ваше отрицание. Согласитесь, что если из двух человек, находящихся вместе, один оказывается убитым, то убийцей...

— ...может быть только второй, — поспешил согласиться Воронов. — Это безусловно так. Но я его не убивал. Самое страшное заключается в том, что я вполне представляю себе безвыходность своего положения. Полное отсутствие возможностей защищаться. Конечно, я совершенно... как это говорится... уличен. Будь я на вашем месте, я бы вовсе и не сомневался. Я понимаю. Я приготовился ко всему. К самому худшему... Но я... я не убивал...

И Воронов заплакал. Он и плакал так же странно, как говорил. Этот рослый, спокойный, культурный человек плакал, как ребенок, беззлбно, беспомощно и трогательно. Он вовсе не пытался разжалобить своими слезами, но, с другой стороны, и не старался их скрыть. Он плакал так же просто, как говорил. И так же непосредственно.

— Успокойтесь, — сказал следователь. — Если убили вы, — а по делу выходит так, — вам лучше сознаться. Если же вы не совершили убийства, то защищайтесь. Проверьте, объясните, выдвигайте свою версию...

Следователь так сказал потому, что в этом необычном деле вина Воронова представлялась вполне доказанной. Обстоятельства дела сводились к тому, что Бурова убил именно Воронов, и никто другой. Но, к удивлению следователя, Воронов не только не стал защищаться, но, напротив, по собственной инициативе сообщил ряд дополнительных и очень веских в отношении себя улик. Продолжая отрицать свою вину, этот человек в то же время торопливо выкладывал следователю все новые и новые обстоятельства, факты и соображения, которые для него были заведомо убийственны. Страстно, последовательно и несомненно он как бы обвинял сам себя.

— Когда мы приехали на остров, — рассказывал Воронов, — наши и без того неприязненные отношения с профессором стали все более обостряться. Мы оба старались сдерживать себя, но взаимная неприязнь буквально выпирала из каждого нашего слова, взгляда, жеста. Это было очень тяжело — постоянно сдерживать себя. И главное — это не помогало. Я чувствовал, что профессор остро ненавидит меня, и платил ему тем же. Бывали такие минуты, я должен прямо вам сказать об этом, когда мне приходила в голову шальная мысль ударить профессора, жестоко избить его, даже убить... Такие мысли приходили мне в голову все чаще. Они даже нашли свое отражение в дневнике, который я вел. Я захватил дневник с собой. Вот посмотрите...

И Воронов протянул следователю пухлую тетрадь. Действительно, среди прочих записей в дневнике были и такие, которые свидетельствовали о том, что мысль об убийстве профессора Бурова все назойливее приходила в голову Воронова.

— Я не знаю, — продолжал давать показания Воронов, — может быть, в конце концов, не совладав с собой, поддавшись минутной вспышке, я бы действительно убил профессора. Может быть. Но я его не убивал. Это случилось так.

В то утро мы решили поехать охотиться на уток на озеро, расположенное в глубине острова. Мы поехали туда на нартах, которыми управлял ненец Вася. На половине пути нарты сломались. До озера оставалось около трех ки-

лометров. Тогда мы решили пойти пешком, а Вася остался чинить нарты.

Когда мы пришли к озеру и начали стрелять в уток, они отплыли к противоположному берегу. Я предложил профессору, чтобы он остался на этом месте, а я пойду к другому берегу и буду стрелять оттуда. Профессор согласился с моим предложением. Я пошел на противоположный берег.

Стоя там, я через полтора километра, нас разделявшие, довольно ясно видел фигуру профессора, одиноко стоявшего на берегу. Никого рядом с ним не было и быть не могло. Это я заявляю твердо. Потом с того места, где стоял профессор, раздался выстрел. Внезапно я увидел, как профессор как-то странно закачался, а затем упал. Не понимая, что случилось, я бегом бросился к нему.

Когда я прибежал, то застал профессора еще живым, но уже без сознания. Он был тяжело ранен охотничьим ножом, вонзенным глубоко, по самую рукоятку, в его левый глаз. Рукоятка ножа торчала из глазной впадины профессора, как большая гнойная опухоль. Ружье профессора валялось рядом...

Я совершенно растерялся. Не зная, как помочь несчастному, я попытался извлечь из его глаза нож. Но мне это не удалось — с такой силой его всадили. Тогда, не помня себя, я бросился бежать к тому месту, где мы оставили нарты. Когда я прибежал, Вася уже заканчивал починку. Я сказал ему, что с профессором несчастье, и он пугнул собак. Но когда мы приехали, профессор был уже мертв. Мы отвезли его труп на зимовку, где с трудом извлекли из раны нож, которым было совершено убийство. Вот и все... Позвольте мне закурить?

— Прошу вас, — сказал следователь.

Воронов закурил и жадно затянулся. После небольшой паузы он заговорил снова:

— Как видите, мне трудно защищаться. Я разумный человек и понимаю, что все в этом деле против меня. Вероятно, мне даже выгоднее признаться, чтобы рассчитываться на снисхождение суда. Чистосердечное раскаяние и признание, или как это там у вас называется... Я не юрист, но приходилось слышать. Но я не могу. Я не убивал его, не убивал... Но бессилён доказать. У меня к вам только одна просьба. Вот это — письма девушки, моей невесты. И это — мое письмо к ней. Пожалуйста, передайте ей их.

— Не могу, — сказал следователь, — вы передадите ей сами. Я не собираюсь вас арестовывать, Воронов.

Бывают такие судебные дела, в которых неожиданное решение, внезапная разгадка, окончательный вывод приходят вовсе не как результат сцепления имеющихся формальных улик и доказательств, не как логическое следствие того, что уже выяснено и установлено, не как завершающее подведение итогов. Случаются такие темные и запутанные лабиринты фактов, деталей и человеческих отношений, такие чудовищные нагромождения всякого рода случайностей и обстоятельств, что самый опытный следователь, сталкиваясь с ними, теряется и как бы опускает руки. Интуиция и талант следователя, его настойчивость, его революционная следовательская совесть, его гуманизм, гуманизм советского судебного работника, — вот что ведет следователя в таком деле, вот что освещает ему путь, вот что приводит его к раскрытию истины.

Отпустив Воронова домой, следователь поставил себя в тяжелое положение. С одной стороны, виновность Воронова в убийстве профессора Бурова казалась бесспорной, она как бы логически вытекала из обстоятельств дела и была единственной версией в нем. Это была, кроме того, вполне обоснованная версия, принятая тем общественным кругом, который был осведомлен об этом деле и проявлял к нему законный интерес.

С другой стороны, освобождение Воронова базировалось исключительно на внутреннем убеждении следователя, на том, что он почему-то поверил Воронову. Поверил вопреки формальной логике, вопреки многим обстоятельствам и фактам, вопреки грозному и очень тяжкому нагромождению этих фактов и обстоятельств. Поверил по тем неясным, расплывчатым и туманным основаниям, которые слагаются изнутри, которые внешне не всегда логичны, которые так трудно сформулировать и на которые не принято ссылаться, но которые в совокупности своей приходят как следствие таланта следователя, как выражение силы его психологического, профессионального проникновения и остроты его интуиции, как благодарный результат многих лет напряженного и вдумчивого труда, тренированной наблюдательности, криминалистического опыта и привычки к анализу явлений и людей.

Следователь был уверен, что Воронов не убивал профессора Бурова. Но эту уверенность надо было обосновать, доказать, и главное — надо было раскрыть и объяснить тайну гибели профессора Бурова.

Ибо для полной реабилитации Воронова убеждение следователя являлось недостаточным, как бы ни было оно сильно.

Доставленный в Москву труп профессора Бурова был подвергнут судебно-медицинскому вскрытию, которое произвел П. С. Семеновский.

С обычными для этого человека тщательностью, осторожностью и знанием дела П. С. Семеновский произвел вскрытие и составил свое заключение. Оно состояло в основном из двух пунктов:

1. Смерть профессора Бурова явилась следствием ряда тяжелых повреждений, причиненных ударом охотничьего ножа в левый глаз покойного.

2. Этот удар был нанесен с нечеловеческой силой.

— Что значит «с нечеловеческой силой», — спросил Семеновского следователь, — как понимать это, Петр Сергеевич?

— Это значит, — ответил эксперт, — что сила, с которой был нанесен удар ножом, превышает среднюю силу нормального человека. Поэтому я применил выражение «нечеловеческая». Но сказать вам точно, какая это сила, я не могу...

Следователь продолжал свою работу. Он тщательно осмотрел ружье профессора Бурова. Это был охотничий винчестер, и в нем не оказалось ничего интересного для дела. Нож, которым был убит профессор, тоже ничем особенным не отличался: обычный, довольно дешевый охотничий нож с деревянной ручкой.

Но когда следователь внимательнее его рассмотрел, он обнаружил одну маленькую деталь: в деревянной ручке ножа имелся небольшой дефект, следствие недостаточно аккуратной работы. Крохотный кончик металлического стержня, на который была насажена ручка, торчал из нее своим острием. Это было почти незаметно.

Следователь оцупал этот крохотный кусочек металла и внезапно вскочил: так обожгла его мысль, блеснувшая, как искра в ночной темноте.

Через час группа спешно вызванных экспертов — оружейников и охотников — толпилась в кабинете следователя.

— Скажите, — спросил следователь, обращаясь к охотникам, — скажите, с точки зрения обычной житейской охотничьей практики, как поступит охотник, имеющий за поясом охотничий нож с деревянной ручкой, как он поступит, если патрон при досылке его в магазинную часть ружья почему-либо закапризничает, застрянет, плохо пойдет? Ну, скажем, патрон чуть разбух от сырости, или покривился, или плохо был сделан. Что сделает, как поступит охотник?

Эксперты чуть удивленно переглянулись между собой и начали шептаться.

— В таких случаях, — наконец единодушно решили они, — охотник скорее всего возьмет свой охотничий нож и, постукивая его тупой деревянной ручкой по капсюльной части патрона, постарается осторожно вогнать его до конца.

— И я так полагаю, — улыбнулся следователь. — Ну, а теперь осмотрите этот нож, обратите внимание на этот торчащий кончик металлического стержня и представьте себе, что охотник этим ножом постарается вогнать патрон. Что будет?

Эксперты осмотрели нож, исследовали прочность металла, из которого был изготовлен стержень, и согласились на одном.

— Этот кусочек стержня, — сказали они, — по своей остроте и прочности металла вполне может сыграть роль бойка. И если этим ножом ударять по капсюльной части патрона, произойдет взрыв, последует выстрел.

Тогда следователь обратился к оружейникам.

— Скажите, — спросил он их, — если патрон не дослан до конца, если вследствие неосторожности охотника произойдет взрыв, куда направится сила взрыва, какова степень этой силы?

— При таком положении, — ответили эксперты, — сила взрыва пойдет назад, она даст огромный толчок в руку охотника, держащую нож, отбросит эту руку назад, к его лицу. Сила взрыва, сила этого толчка будет очень значительная: примерно это сила давления пяти — семи атмосфер...

Следователь облегченно вздохнул. Внезапная догадка, пришедшая ему в голову, подтверждалась.

Но как раз в этот момент в кабинет следователя вошел Семеновский. Следователь рассказал ему о своей версии, показал нож, повторил заключение экспертов.

— Все это весьма остроумно и убедительно, — медленно произнес Семеновский, — и даже вполне правдоподобно. Если бы... если бы не одна деталь. Профессор ведь был убит ударом в левый глаз. А если бы произошло то, что вы предполагаете, то своей правой рукой он мог поранить себя только в правый же глаз, но никак не в левый.

И Семеновский тут же вычислил на основании длины руки покойного профессора Бурова, его роста и соотношения размеров его тела, что своей правой рукой при толчке от взрыва он мог поранить себя в правый, но никак не в левый глаз.

Версия, казавшаяся такой ясной и правильной, рухнула...

Но следователь был упрям. Он был уверен в своей правоте и продолжал искать.

— Скажите, — спросил он родственников покойного Бурова, — здоровым ли человеком был профессор?

— Да, — ответили родственники, — и физически и морально профессор был здоров.

— Не было ли у него, — продолжал следователь, — каких-либо странностей, физических недостатков?

— Не было, — заявили родственники, — не было у него никаких странностей и недостатков.

— Не приходилось ли вам наблюдать, — не унимался следователь, — как профессор работал со скальпелем?

— Неоднократно, — произнесли родственники, — он часто работал дома.

— А в какой руке он держал скальпель? — осторожно, даже робко спросил следователь, боясь, что сейчас рухнет его последняя надежда.

— Да ведь профессор был левша, — спокойно промолвили родственники.

Следователь с трудом удержался, чтобы не закричать. Вот она, наконец, истина, разгадка, ясность и объяснение всего!..

Левша!.. И следователь помчался к Семеновскому. И Семеновский снова сел за вычисления. И вычисления показали, показали с предельной, математической точностью, что, загоня патрон левой рукой, профессор при взрыве патрона мог и должен был ранить, неизбежно ранил себя именно в левый глаз.

Потом Семеповский и следователь изготовили фотомонтаж кривой, которую описала левая рука профессора, отброшенная взрывом патрона в его лицо, к его левому глазу.

И вот уже все как будто бы ясно, истина обнаружена, гибель профессора Булова объяснена и Воронов реабилитирован.

И можно уже писать постановление о прекращении дела о гибели профессора Булова «за отсутствием в этом деле состава преступления».

И это дело можно сдать в архив.

И можно перейти к расследованию других дел, которые уже стоят на очереди.

И снова блуждать в потемках, путаться в лабиринтах фактов и человеческих отношений, спотыкаться и все-таки идти вперед, ошибаться, но все-таки находить.

Да, можно, но вот этот нож... Откуда взялся этот проклятый нож?

Брат покойного профессора Булова, которого следователь познакомил с материалами дела, твердо заявил:

— Я готов согласиться, что вы правы и что профессор Булов погиб вследствие собственной неосторожности. Но откуда взялся этот нож? Я утверждаю, что у профессора не было такого ножа. Я знаю, что при снаряжении экспедиции такой нож выдан не был. Так чей же это нож? Чей? И вот до тех пор, гражданин следователь, пока вы не ответите на этот вопрос, я не могу признать следствие законченным...

Согласитесь, что брат профессора Булова был по-своему прав. И на поставленный им вопрос надо было дать ответ.

Следователь прежде всего спросил Воронова. Но тот не знал, где профессор достал этот нож.

— Мне кажется,— сказал Воронов,— что этот нож принадлежал профессору. По крайней мере, я видел у него такой нож не один раз.

Тогда следователь взялся за инвентарную опись экспедиции. В ворохе списков, описей, счетов, накладных, квитанций и отчетов, в тысячной номенклатуре снаряжения экспедиции — дрови, ружей, палаток, консервов, бивоклей, кастрюль, термосов, топоров, вилок, клещей, молотков, бидонов, примусов, градусников, посуды и всяких

других вещей следователь тщательно разыскивал четырехрублевый охотничий нож. Но он этого ножа не нашел.

Тогда следователь вспомнил, что экспедиция отплыла в Баренцево море из Архангельска, где находилась несколько дней. Следователь явился к прокурору и попросил командировать его на один день в Архангельск.

— Зачем? — спросил прокурор.

— За ножом, — улыбнулся следователь.

Утром он приехал в Архангельск и, не заезжая в гостилицу, бросился в магазины. Ему показывали сотни охотничьих ножей, дорогих и дешевых, финских, вологодских, костромских, вятских, павлово-посадских, но такого, какой он искал, не было. Продавцы удивленно разглядывали капризного покупателя. Завмаги в недоумении разводили руками. Кассирши ехидно хихикали. Но ножа он не находил.

Наконец, уже к вечеру, на набережной Двины, он забрел в маленький охотничье-промысловый магазин. И первое, что бросилось ему в глаза, был охотничий нож с деревянной ручкой, точь-в-точь как тот нож, который принес смерть профессору Бурову.

— Сколько стоит этот нож? — волнуясь спросил следователь продавца.

— Три рубля семьдесят пять копеек, — ответил продавец.

Следователь вызвал завмага и выяснил, что эти ножи изготавливает одна артель, которая всю свою продукцию сдает только этому магазину. В те дни, когда экспедиция была в Архангельске, эти ножи уже были в продаже.

— Много их распродано, — продолжал завмаг. — Но, конечно, мы покупателей помнить не можем, так как нам это ни к чему...

Следователь вернулся в Москву. И в записной книжке профессора Бурова, среди сотен самых различных записей, нашел и такую: «Архангельск. 3 р. 75 к. охотничий нож».

— Садитесь, товарищ Воронов, — сухо сказал следователь, — я вызвал вас в последний раз. Ознакомьтесь с постановлением о прекращении дела. Распишитесь, что копию постановления вы получили. Вот здесь...

Воронов взял ручку. И вдруг все запрыгало и закачалось у него перед глазами — и ручка, и письменный прибор на столе, и лицо следователя, сидящего напротив...

Потом до его сознания дошло то, что сказал следователь. Он понял, что все страшное уже позади, что его невиновность выяснена, доказана, что истина найдена.

И что этот сухой человек, который невозмутимо сидит против него, спас его жизнь и его честь.

Содержание

3 Рассказ о себе

Записки следователя

Из первой книги

- 21 Месть
- 29 Отец Амвросий
- 35 Новогодняя ночь
- 39 Генеральша Апостолова
- Гибель
- 48 Надежды Спиридовой
- 56 Ночной пациент
- 63 Чужие в тундре
- Последний
- 72 из могикан
- 77 Романтики
- 82 Пожары в Саратске
- 89 Явка с повинной
- 94 Разговор вачистоту
- 101 Крепкое рукопожатие
- 107 Убийство М. В. Проиной
- 113 Упылое дело
- 121 Полсантиметра
- 128 Охотничий вож
- 140 Поминальник усопших
- 145 Шара туфель

- 155 Лепька Паптелеев
169 «Музыкальная» натура
178 «Судебная ошибка»
Из второй книги
187 Динары с дырками
215 Исчезновение
248 Волчья стая
Любовь
278 мистера Гровера
Брегет
290 Эдуарда Эррио
324 Цепная реакция
Из третьей книги
350 Дебют
360 Приемный день
389 Тройка по физике

**Тени
прошлого**

- 401 Трн провокатора
Злой гений
402 «Народной воли»
429 «Дама Туэ»
Карьера
446 Кирилла Лавриченко

**Старый
знакомый**

(Ответный визит) 461

**Лев Романович
Шейнин**

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

**Редактор
Н. Новикова**

**Художественный редактор
Ю. Боярский**

**Технический редактор
А. Кузнецова**

**Корректоры
Т. Кузина и Л. Овчинникова**

ИБ № 15

Подписано к печати с матриц издательства «Художественная литература» 12.06.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 31,026. Тираж 100 000 экз. Заказ № 911. Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция Казахской советской энциклопедии Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480009, г. Алма-Ата, ул. Советская, 50.

Алма-Атинский полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.